

Б. С. Макаров

МЕЛЬНИЧНОГО ДЕЛА МАСТЕР ВИЛЛИМ КОВЕНГОВЕН – БЛИЗКИЙ ДРУГ ПЕТРА I

Самое раннее упоминание о мельничном мастере Виллиме Ковенговене (Willem Couwenhooven) содержится в описании Я. К. Номеном первого путешествия царя Петра I в Западную Европу: «Он [царь Петр I] посетил (в Заандаме. – Б. М.) Антония Фан Каувенгоофе, нашего деревенского сторожа, дочь которого побывала в Архангельске, между тем, как сын его в то время еще жил в Московии, в качестве мастера на лесопильной мельнице (впоследствии он помогал при постройке мельниц)»¹. В описании архива Голландской реформатской церкви имеется информация о дочери Виллима Ковенговена – Марии: «Родилась 10 января 1708 г. в Москве. В 1730 г. вышла замуж за Абрагама ван Вунзела/Вунсела. Умерла в Санкт-Петербурге 21 ноября 1779 г. У нее было 11 сыновей и 1 дочь»². В справочниках об иностранных квалифицированных специалистах, работавших в России в XVII в.³ и в Москве в XVIII в.⁴, имя Виллима Ковенговена отсутствует. Поиск архивных документов о нем, связанных с основными центрами кораблестроения начала XVIII в. – Санкт-Петербургом, Архангельском, Москвой, Воронежем, Свирью, Азовом, – до 1706 г. также не дал результатов. Он был произведен потому, что имя голландского мастера упомянуто в списке квалифицированных специалистов и их учеников, числившихся в Адмиралтействе в 1710 г.:

«Ведомость о мастерах и учениках в Петербургском Адмиралтействе
с показанием получаемого ими содержания 1710 года февраля 1 дня.

Мастера иноземцы

Корабельные у Города (Петропавловской крепости. – Б. М.)

<...>

Пильной Виллим Антонов

150 рублей»⁵.

В аналогичном списке за 1712 г. и последующие годы он не упомянут⁶.

Из всех приведенных выше фактов можно сделать следующий вывод: Виллим Ковенговен в конце XVII в. жил и работал в Москве, где познакомился с Петром I. Более того, он вошел в избранный круг друзей молодого царя. Только так можно объяснить визит Петра I к отцу «мельничного мастера» – заандамскому дворнику. Можно предположить, что голландский мельничный мастер никогда длительно не состоял на государственной службе. Вероятно, он был вызван в Россию кем-то из проживавших там богатых соотечественников для строительства ветряных мельниц

и налаживания производства досок с целью их последующей продажи. Постепенно Виллим Ковенговен начал строить мельницы для себя и/или приобретал их в собственность и торговал произведенными на них досками. До сего времени не удалось найти не только ни одного его контракта, которые заключались при приеме иностранного квалифицированного специалиста на государственную службу или на исполнение им как частным лицом тех или иных подрядных работ, но даже и упоминание о таких контрактах (см. далее). Это очень нехарактерно для первой половины XVIII в., когда любая выдача жалованья или казенных денег на производство подрядных работ, а их, как мы увидим, у голландского инженера-бизнесмена было немало, всегда сопровождалась составлением краткого послужного списка человека, которому эти деньги выплачивались, с приложением копий всех заключенных с ним контрактов или по крайней мере копии его последнего контракта. Кроме того, при такой выдаче обязательно должно было приводиться краткое описание торгов на выполнение подрядных работ. Таким образом, можно предположить, что царь Петр использовал Виллима Ковенговена в тех случаях, когда срочно требовалось построить ветряную мельницу для тех или иных целей. Он был настолько уверен в голландском инженере-бизнесмене, что контракта с ним, в нарушение существовавших тогда законов, не заключалось. Договор на выполнение работ, вероятно, существовал только в устной форме. В качестве компенсации за свою деятельность Виллим Ковенговен получал право монопольной поставки досок на руководимое им строительство и льготы при их продаже. Эти доски производились на собственных его или арендованных им пильных ветряных мельницах. В некоторых случаях он закупал их у других российских производителей и перепродавал. Упоминание о службе Виллима Ковенговена в Адмиралтействе свидетельствует о его кратковременном (от нескольких месяцев до 1–2 лет) пребывании на государственной службе. Действительно, из списка иностранных мастеров, состоявших в штате Канцелярии городских дел в 1716 г.⁷, следует, что инженеры уровня Виллима Ковенговена получали жалованье от 300 руб. в год, не меньше. «Пильных ветряных мельниц мастер Виллим Симонов», также входящий в этот список и получавший 72 рубля в год, скорее всего, был жителем одного из завоеванных Россией в ходе Северной войны прибалтийских городов. Голландский же инженер-бизнесмен, проработавший в России более 10 лет, согласился на жалованье всего в 150 руб. в год.

Т. А. Базарова в своей работе по истории постройки ветряных мельниц на стрелке Васильевского острова приводит первое упоминание о пребывании и работе Виллима Ковенговена в Санкт-Петербурге: «... в 1705–1706 годах на Стрелке Васильевского острова была построена для Адмиралтейской Коллегии первая и заложена вторая пильные ветряные мельницы. Предположительно, строил их иноземец Адам Виллимсон. В 1706 году он сбежал из Петербурга. С 1708 года, в документах петербургского Адмиралтейства упоминался мастер Виллим Антонов, который был „мастером на старой пильной мельнице“»⁸. Можно предположить, что голландский мастер срочно заменил сбежавшего иностранного специалиста. Кроме того, в работе Т. А. Базаровой приведены документы о том, что строительство упомянутых выше ветряных мельниц курировал У. А. Сенявин – директор Канцелярии городских дел, а не кто-либо из руководителей Адмиралтейства. Выше упоминалось, что дочь Виллима Ковенговена Мария родилась в Москве 10 января 1708 г. Отсюда можно сделать вывод о том, что до 1708 г. он постоянно жил и работал

в Москве. В Санкт-Петербург голландский мельничный мастер приезжал в командировки. Окончательно в Северную столицу Виллим Ковенговен был направлен, вероятно, по приказу царя Петра в начале 1708 г. Хотя, возможно, приезд голландского мастера по строительству ветряных мельниц произошел на один год раньше, поскольку, согласно К. В. Малиновскому, в 1707 г. он построил несколько мельниц на территории усадьбы А. Д. Меншикова на Васильевском острове⁹.

В 1708 г. голландский инженер-бизнесмен возвел на участке, отведенном вице-адмиралу Корнелиусу Крюйсу, деревянную лютеранскую церковь. «В том же месяце (июнь 1705 года) в ста метрах к востоку от дома Апраксина заложили деревянные „хоромы“ вице-адмирала Корнелиуса Крюйса по его собственному чертежу... В юго-восточном углу двора Крюйс на собственные средства построил в 1708 году лютеранскую церковь во имя св. Петра... Возведением церкви руководил строитель пыльных мельниц голландский мастер Виллем Антон Ковенховен. Он приехал в Петербург из Сардам до 1706 года, работал здесь в 1723 году и, помимо упомянутой лютеранской церкви, строил на невских берегах ветряные пыльные, бумажную масляную и крупяную мельницы»¹⁰. В истории постройки дворца Корнелиуса Крюйса о голландском мельничном мастере написано несколько по-иному: «Возведена она (деревянная протестантская церковь. – *Б. М.*) была на средства Крюйса в 1708 году, под руководством выписанного из Голландии мастера Виллима Ковенховена (Covenhooven), строившего на родине пыльные мельницы»¹¹.

В 1709 г. Виллим Ковенговен руководил работой и занимался текущим ремонтом двух пыльных ветряных мельниц на Васильевском острове (вероятно, именно тех, которые он достроил в 1706 г.). Это следует из документа, в котором он требует от Адмиралтейств-коллегии расходные материалы для этих мельниц: «1709 июля в 22 день. Надобно на Васильевской остров, на обе пыльные мельницы полтора пуда краски сурику. Полведра масла ольянова (так в документе, вероятно – льняного. – *Б. М.*), ради мазанья парусов»¹². Аналогичные требования содержатся в документах от 13 июля и 4 августа¹³. Очевидно, что если бы эти расходные материалы были нужны для мельниц А. Д. Меншикова, то соответствующие документы были бы поданы в канцелярию губернатора Северной столицы.

В документах следственного дела о злоупотреблениях светлейшего князя А. Д. Меншикова, которое проводилось под руководством «генерала мазора и от лейб гвардии подполковника князя Петра Михайловича Голицына», говорится о том, что ветряные мельницы на Васильевском острове были построены Адмиралтейством и затем перенесены на Адмиралтейскую сторону, к сожалению, без указания дат этих событий. Светлейший князь же утверждал, что построил эти мельницы на свои собственные деньги¹⁴. Этот документ важен и тем, что в нем упомянуты «присланные из малороссийских городов мелники», которые строили ветряные мельницы при Шлиссельбурге. Можно предположить, что их профессиональный уровень был не очень высок. Это и вынуждало царя Петра I, руководство коллегий и канцелярий использовать иностранных специалистов для строительства ветряных и водяных мельниц.

Таким образом, к 1710 г., когда имя Виллима Ковенговена было упомянуто в списках мастеров Адмиралтейства, он уже несколько лет выполнял различные частные и государственные работы в Санкт-Петербурге. Тем не менее его семья жила в Москве, что очень нехарактерно для XVIII в.

13 мая 1710 г., как следует из отчета А. Кикина своему начальнику вице-адмиралу К. Крюйсу, Виллиму Ковенговену было приказано изготовить доски для строительства дворца Корнелиуса Крюйса¹⁵. Заметим, что этот приказ голландский мастер не выполнил даже 17 июня, поскольку был загружен заготовкой «пильных» досок для строительства дворца царя Петра I. Этот документ косвенно подтверждает установленный выше факт пребывания Виллима Ковенговена на государственной службе в штате Адмиралтейств-коллегии в 1710 г. Имя голландского мельничного дела мастера содержится в «ведении Адмиралтейской Канцелярии кормовой месячной даче мастерам и мастеровым людям русским и иноземцом, которые работают при Санкт-Питер бурхе, при Адмиралтействе у карабельного строения»¹⁶. Там же упомянут «пильных мельниц ученик Алексей Исаев»¹⁷. Поскольку «пильных» мастеров было два – Виллим Антонов и Иван Лаврентьев, неясно, у какого из них обучался Алексей Исаев.

В 1714 г. голландский мастер построил на Охте шесть пильных ветряных мельниц для Канцелярии городских дел. «Как сообщал Вебер в апреле 1714 года, Его величество повелел одному голландцу построить 6 пильных мельниц особой конструкции и чистоты. Ветер приводит в действие в каждой мельнице 3, в некоторых и 4 хода, и каждый ход имеет 8 пил». Речь здесь идет о Виллиме Ковенговене, который был в то время единственным голландцем – ветряных мельниц мастером в Санкт-Петербурге¹⁸. Это утверждение хорошо согласуется с документом, в котором он требует у руководства Канцелярии городских дел 100 пудов железа для постройки ветряной мельницы на Охте. Отсюда можно сделать вывод о том, что никогда не состоявший в штате Канцелярии городских дел Виллим Ковенговен строит мельницы по устной договоренности с самим царем Петром I, поскольку никаких сведений о заключении контракта на эти работы с голландским мастером найти не удалось. Отметим, что утверждение К. В. Малиновского о том, что Виллим Ковенговен был единственным иностранцем – мельничным мастером в Северной столице, спорно. Приведу только одно доказательство: в 1714 г. мельничным мастером Яном Фефером были построены дудергофские бумажная и «соломосечная» мельницы. Стоимость строительства составила 11 672 рубля¹⁹.

Наше предположение об особом статусе Виллима Ковенговена среди других иностранных мастеров, работавших в России, подтверждается прямым указом ему от царя Петра I построить ветряную мельницу для Ревеля (Таллина) в 1716 г.²⁰ Создал он эту мельницу для нужд Адмиралтейств-коллегии, в штате которой голландский мастер не состоял.

В 1717 и 1718 гг. голландский инженер-бизнесмен производил строительные работы в Ораниенбауме. Из письма Ф. А. Соловьева ораниенбаумскому «управителю» А. Никитину от 22 сентября 1717 г.: «Кзымзы все вели покрыть Филимону, дабы от морозу не попортило»²¹. Филимон/Филм руководил строительством канала в Ораниенбауме: «Всеподаннейше доношу Вашей великокняжеской светлости: в Аринибоумском доме Вашей светлости канала вырыто до моря ширины 5 сажень, глубины 2 арш. и в $\frac{3}{4}$ копать начали. Токмо работных людей немного – только сто пятьдесят человек, а протчие все разошлись дл управления сена. А в канале что глубже то земля жощее. Свай еще не били за розмером, понеже Филм и по се время не явился. И ныне, я для ево приехал в Питербурх на один день и, взяв ево с собою, в Аранибом поедем и розмеряем. И, на будущей неделе, свай бить начнем»²². «Филимон (Фильм, Вильм) – по мнению К. В. Малиновского, так мог быть именован Ковенховен – Виллем

Антон – голландец, строитель пильных мельниц, прибывший в С.-Петербург в начале XVIII века (до 1706 года). <...> Для А. Д. Меншикова он строил пильные ветряные мельницы и, вполне возможно, привлекался князем к другим работам»²³. Е. Андреева любезно представила документ о выплате Виллиму Ковенговену 360 руб. за полтора года «домовой» работы (в 1718 и 1719 гг.) у светлейшего князя А. Д. Меншикова (см. приложение, п. 1)²⁴. В нем он именуется «пильных мельниц мастером», следовательно, можно предположить, что голландец строил или ремонтировал «пильные» ветряные мельницы/мельницу в усадьбе светлейшего князя на Васильевском острове и, возможно, в Ораниенбауме. Не удалось найти никаких упоминаний о том, что за все годы пребывания в России он занимался гидротехническими работами. Из документа же, который приведен выше, прямо следует, что некто Филм, в частности, спроектировал и начал строительство канала в Ораниенбауме. Именно по этой причине, на мой взгляд, следует считать утверждение о том, что Филмон/Филм и Виллим Ковенговен – одно и то же лицо, недоказанным. Действительно, канцеляристы, составлявшие различные документы в первой четверти XVIII в., не владели иностранными языками, поэтому они сплошь и рядом путали и коверкали имена иностранных квалифицированных специалистов. В документах Канцелярии городских дел (с 1723 г. – Канцелярии от строений) и Адмиралтейств-коллегии Виллима Ковенговена иногда именовали: Виллим Ковнов, Виллим Андреев, Иван Андреев. В документе из канцелярии светлейшего князя о выплате жалованья голландскому мельничному мастеру (см. приложение, п. 1) он именуется Виллимом Антоновым. Служащие у А. Д. Меншикова могли, конечно, писать его имя и по-другому (Филмон/Филм), но их штат был невелик, все они хорошо знали друг друга, и такое разночтение практически исключено.

Отметим, что в 1718–1719 гг. Виллим Ковенговен занимался поставками досок на государственные стройки Северной столицы (см. далее), постройкой дворца для супруги Петра I (см. далее). Очень сомнительным выглядит утверждение «управителя» А. Д. Меншикова о том, что он так легко смог оторвать голландского мастера от торговли и столь важных строек и привезти его из Санкт-Петербурга в Ораниенбаум на длительное время.

В 1718 г. «галанец Виллим Андреев (Ковенговен. – Б. М.)» строит дом «что по Фантанной речке» для супруги царя Петра I – Екатерины Алексеевны. Дом был небольшим («в две деревянные светлицы, а имянно: в одну надобно на печь кафлей, кирпичу, 5 оконниц; в другую – 4 оконницы») и деревянным²⁵. Эта информация содержится в расходных ордерах (финансовых отчетах за 1718 г.) гоф-интенданта (управляющего делами царской семьи) П. И. Мошкова. К сожалению, в документе не указано, в каком именно месте на берегу реки Фонтанки был построен этот дом. Возможно, он находился около Фряжских погребов – там, где в будущем будет построен деревянный Летний дворец императрицы Елизаветы Петровны.

Из изложенного выше следует, что за 10–12 лет работы в Северной столице голландский мельничник построил не менее десятка ветряных мельниц и несколько зданий для государственных организаций и частных лиц. Должно было существовать большое количество документов, описывающих проведение этих работ: о закупке материалов, выплатах денег как самому Виллиму Ковенговену, так и многочисленным поставщикам и наемным работникам, итоговые финансовые расчеты, которые составлялись после окончания строительства. Более того, наиболее важные из выполненных работ

и сам факт проведения работ у А. Д. Меншикова обязательно должны были отразиться в документах за последующие годы. В этом был заинтересован прежде всего сам Виллим Ковенговен – подобные документы демонстрировали его высокий профессиональный уровень, надежность и добросовестность! Тем не менее этих упоминаний в архивах найти не удалось. Следовательно, введенный в то время бюрократический порядок был намеренно нарушен. Это резко отличало Виллима Ковенговена от других иностранных квалифицированных специалистов, работавших в Санкт-Петербурге в первой четверти XVIII в., например Питера ван Хеесселя (Фангезеля), Хармана ван Болеса, братьев ван Аммерс (Фонармус)²⁶. Я намеренно перечислил только некоторых близких по специальности соотечественников голландского «мельничного мастера». Данный факт и послужил причиной, по которой было сделано предположение о том, что Виллим Ковенговен работал в основном не по контрактам, а по устной договоренности с царем Петром I, А. Д. Меншиковым и Корнелиусом Крюйсом. Голландский мельничник мастер нечасто получал жалованье или договорные деньги за свою деятельность. Его доход (помимо торговли), вероятно, заключался в том, что казна закупала у него строительные материалы, главным образом «пильные» доски, произведенные на ветряных мельницах, ему принадлежавших, для тех строек, которыми он же и руководил.

В начале XVIII в. порох, которым заряжали артиллерийские орудия и ружья, помещался в специальные бумажные пакеты цилиндрической формы. Царь Петр I во время своего второго путешествия по Европе, возможно, заметил новую технологию производства бумаги для военных целей и писчей бумаги. Он решил внедрить ее в России. 2 февраля 1718 г. в Голландии были заключены контракты на службу в России с «бумажного дела мастерами» Питером Дирком Зонтом (сын. – *Б. М.*) Бонтом (Piotre Dirk Bont) и Классом Яганом Зонтом Лодвиком (он же был и специалистом по постройке ветряных мельниц)²⁷. Самое необычное и удивительное состоит в том, что помимо приглашения специалистов по изготовлению бумаги и строительству «бумажных» мельниц в Голландии была закуплена модель мельницы (готовый проект, который, возможно, был создан по какой-то новейшей технологии) и все ее внутреннее оборудование. Всего с провозом на эти цели было затрачено «13 255 гульдено 4 штвера» или 5098,15 руб.²⁸ Бумажного дела мастера и модель мельницы прибыли в Санкт-Петербург 16 июля 1718 г.²⁹ 16 августа того же года царь Петр I приказал Виллиму Ковенговену построить «бумажную» мельницу по модели и смонтировать закупленное в Голландии оборудование (см. приложение, п. 2)³⁰. Тогда же оказалось, что модель «бумажной» мельницы, закупленная в Голландии, потерялась! В архивных документах не удалось найти какой-либо реакции русской администрации на эту потерю. Из всего сказанного можно сделать осторожный вывод о том, что царь Петр I все-таки не был удовлетворен уровнем мастерства Виллима Ковенговена. В противном случае он привлек бы его и к процессу проектирования, и к найму «бумажных» мастеров. Тем не менее строительство новой мельницы для производства бумаги было поручено голландскому мельничному мастеру. Он оценил его в 4500 руб. Правда, впоследствии Виллим Ковенговен потребовал выдать ему дополнительно еще 500 руб.³¹ Кроме того, он просил выделить ему или нанять шесть человек в гребцы «для езды к тому строению»³². Последний документ косвенно подтверждает высокое положение голландского мельничного мастера среди других иностранных специалистов, работавших в Северной столице. Только избранным иностранцам администрация предоставляла казенную лодку с гребцами. Для выполнения

строительных работ Виллим Ковенговен («Антонов») нанял бригаду олонецких плотников во главе с Ермолой Родионовым. Отметим, что 40 человек плотников потребовали не только выплаты денег за свою работу, но и выделения им 80 ведер вина. Из этих же документов следует, что с весны 1720 г. начались перебои с финансированием строительства. В августе 1719 г. Виллим Ковенговен подал в Канцелярию городских дел требование выдать ему 2000 руб. на строительство. Руководство канцелярии из-за хронического дефицита казны к марту 1720 г. смогло выделить на эти нужды только 1000 руб. В результате, как пишет голландский мельничного дела мастер, «с выше писанного августа месяца прошлого 1719 году, той бумажной мельнице учинилась великая остановка и плотники многие от той работы сбежали. Леса, которые по договору надлежало ставить подрядчикам, за не выдачею денег, много число непоставлено. И за оное остановкою, на покупку всяких надлежащих припасов, принужден я свои денги 500 рублей, кроме того, что отпускал с собственных своих пильных мельниц пильные доски. Да опричь выше писанного числа денег, за сделанную работу, олонецким плотникам надлежало выдать ныне 600 рублей. За всякие железные припасы – 200 рублей, которые браны на Гостином дворе. За воску той бумажной мельницы и за 6000 досок, подрядчику – 120 рублей. Столярам двум на 3 месяца, – 30 рублей»³³. Таким образом, Виллим Ковенговен продолжал строительство на свои средства и даже залез в долги. Тем не менее работы продолжались. К концу 1720 г. «бумажная» мельница была в основном закончена. 22 октября 1720 г. царь Петр I указал передать ее в ведение Адмиралтейства под руководство вице-адмирала Корнелиуса Крюйса (см. приложение, п. 3)³⁴. Крюйс осмотрел ее и дал блестящий отзыв как о самой «бумажной» мельнице, так и о работе Виллима Ковенговена: «Я на мельнице экзаменовал мастера Ковнова и протчие все тамошние дела. Мельница такова хороша, как единая во всей Голландии, и ежели будет добрая дирекция, то можно не малую прибыль Его царскому величеству учинить» (см. приложение, п. 3). Кроме того, Корнелиус Крюйс наметил неотложные дела по организации производства разных сортов бумаги. В частности, он предложил отправить Виллима Ковенговена в Голландию для найма мастеров и квалифицированных работников на вновь построенные «бумажную», «масляную» и «крупяную» мельницы (об истории постройки двух последних речь пойдет ниже) (см. приложение, п. 3). В этом же важнейшем документе вице-адмирал предлагал закупить в Голландии сырье для изготовления пробной партии бумаги «от 5000 до 6000 трешниц» пудов (при ежегодной потребности в 15 000–18 000 пудов этого сырья). Это было обусловлено тем, что, по мнению вице-адмирала, русские люди были не «заобычны» в заготовлении, выражаясь современным языком, вторичного сырья.

Предложение Корнелиуса Крюйса о посылке Виллима Ковенговена в Голландию реализовано не было потому, что казна оказалась пуста. Кроме того, весной 1721 г., когда мельница для производства бумаги начала реально работать, стало ясно, что обеспечить ее полностью отечественным сырьем не представляется возможным. Чтобы уйти от ответственности за срыв начала производства русской бумаги, 8 марта 1721 г. Корнелиус Крюйс доложил тайному кабинет-секретарю А. В. Макарову, что при запуске производства бумаги обнаружались многочисленные недоделки (вице-адмирал почему-то не заметил их раньше, при приеме ее в ведомство Адмиралтейств-коллегии): «Оная мельница во многой недоделке. Которая надлежит мастеру Ковнову во всем достроить. А которое у него и сделано, и то не так крепко, строено, как в обычей галанскому доброму мастеру.

Но толко якобы фигура живописная зделана и уже иные припасы на оной, хотя работы тяжкой не было, переломились» (см. приложение, п. 4)³⁵. 16 марта Корнелиус Крюйс приказал Виллиму Ковенговену исправить все недостатки под угрозой штрафа: «Сим указом повелеваетца, чтоб тебе, вышписанную бумажную мельницу, неотменно совсем отделать во всей надлежащей готовности в нынешнем марте месяце сего 721 году. Ежели же означена мельница всею готовностию, к означенному времени, от тебя не будет отделана, и за тем учинитца Его царского величества работе остановка, и люди принуждены будут гулять. И за то учинен будет тебе жестокой штраф, по Его царского величества указу. А за простойные дни тое мельницы и за праздное гуляние людей вычтено будет из жалованья твоего» (см. приложение, п. 4)³⁶. 4 апреля 1721 года вице-адмирал повторил свои жалобы: «...уже иные припасы на оной („бумажной“ мельнице. – *Б. М.*), хотя работы тяжкой не было, переломились» (см. приложение, п. 4)³⁷. Более того, можно предположить, что между Корнелиусом Крюйсом и Виллимом Ковенговеном возникла и личная неприязнь: «Которой (Виллим Ковенговен. – *Б. М.*) на словах всегда хочет работать. А когда он бывает у мельницы, тогда ничего не делает, кроме что, приходя, шумно людей бранит и с криком домой праздно отходит» (см. приложение, п. 4). 1 мая 1721 г. вице-адмирал опять пожаловался А. В. Макарову: «Бумажня мельница всякой день хуже. Понеже, когда мельница станет ходить, то железо или дерево ломаетца, якобы стекло крушитца» (см. приложение, п. 4)³⁸. Тайный кабинет-секретарь принял сторону Корнелиуса Крюйса в этом конфликте. 11 марта 1721 г. он приказал восстановить на прежнем месте работы «бумажного» дела мастера Яна Гундона (Jan Odandus), ранее уволенного Виллимом Ковенговеном, «не усмотревшим его художества»³⁹. 17 мая 1721 г. Корнелиус Крюйс направил жалобу на Виллима Ковенговена и директору Канцелярии городских дел У. А. Сенявину (см. приложение, п. 4)⁴⁰.

Серьезность конфликта, возникшего между Корнелиусом Крюйсом и голландским мельничным мастером, косвенно подтверждается и тем, что вице-адмирал перестал требовать отправки мельничного дела мастера на его родину для найма «бумажного» дела мастеров и, как мы уже знаем, эта отправка не состоялась. В марте 1721 г. Корнелиус Крюйс приказал российскому агенту в Голландии Бранту найти и нанять на русскую службу «трех или четырех бумажного дела мастеров»⁴¹. 6 февраля 1722 г. вице-адмирал потребовал независимой экспертизы «бумажной», «масляной» и «крупяной» мельниц. Сделать ее поручили архитектору Стивену ван Звитену. «Понеже объявлял мне крупяной, масляной и бумажной ветряной мельниц мастера, о вышписанных мельницах, что оные мельницы, також с наружи и внутри некоторые припасы, строения мельничного мастера Виллима Ковнова, зело плохи. И некоторые зделаны не по препорции архитектурской, что и я могу засвидетельствовать. Ибо прошлого 721 году не мало бумажной мельнице в работе одержана (так в документе. – *Б. М.*) для того, что иные припасы в той мельнице переотломилась (заметка на полях: несостоятельно сие). Того ради, надлежит в Канцелярию Городовых дел послать Его царского величества указ, дабы, для свидетельства вышписанных мельниц, прислан был из оной Канцелярии архитектур Стефан Фанзвитен. Которому оные мельницы и все в них припасы осмотреть с подлинною инспекциею и обирвазеею» (см. приложение, п. 5)⁴². Обратим внимание на чью-то пометку в бумаге высокопоставленного русского администратора: «несостоятельно сие». Найти отчет голландского архитектора об осмотре «бумажной» мельницы не удалось. Никаких штрафных санкций к Виллиму Ковенговену применено не было (они в соответствии

с существовавшими в первой трети XVIII в. правилами обязательно были бы отражены в многочисленных финансовых документах о выплатах ему денег), можно предположить, что претензии вице-адмирала были вызваны не только сложностями с заготовками сырья, но и тем, что изготовленная в Санкт-Петербурге бумага не находила спроса. Даже специальные указы о заготовке «тряниц» и старой, использованной бумаги⁴³, о закупке российской бумаги всеми казенными организациями⁴⁴ не смогли серьезно исправить эту ситуацию. За 1721 и 1722 г. российской бумаги было продано всего на 500 руб. «Штам (образец. – Б. М.) бумаге, которая ныне в магазейнах есть, изволте видеть ис табели, которая при сем. И, хотя многие публикации были о продаже оной бумаги, но никто не покупал, кроме в дом Его императорскаго величества, канцелярии ведомства господина генерала Голицына и Полищмейстерской. А в другие – малое число. Всей бумаги прошлой и нынешний год продано не з большим на 500 рублей. А Артилерной канцелярии бумаги на картузы, на патроны и на пищу великой расход. И, хотя цены, против торговой, уменьшили нашей бумаге, и бумага лутче, и многожды образцы посыланы, однакож не покупают, кроме Гостиного двора. А чего ради – не могу знать. Как табели значит, что немалая сумма лежит оной бес прибыли в магазейнах. Декабря 17 дня 1722 году»⁴⁵. Можно предположить, что и качество российской бумаги было невысоким. Действительно, в огромном количестве архивных документов, которые относятся к 1723-му и последующим годам, содержатся требования различных коллегий и канцелярий о закупке для делопроизводства импортной «александрийской» бумаги.

Расчеты с подрядчиками, строившими «бумажную» мельницу, продолжались в 1722 г. Руководители уже знакомой нам бригады «олонецких» плотников Ермолай Иванов и Иван Тевзин в ноябре 1722 г. подали прошение о выплате им 700 руб., недоплаченных Виллимом Ковенговым⁴⁶. В феврале 1723 г. аналогичное прошение о выдаче недоплаченных денег за строительство «бумажной» мельницы подали «оконнишной мастер Осип Никонов» и кузнец Дементьев⁴⁷. В документах по этим прошениям опять нет копии контракта голландского мельничного мастера на строительство «бумажной» мельницы. После долгих разбирательств выяснилось, что голландский мельничный мастер задолжал деньги работникам по той причине, что необходимые суммы не были своевременно перечислены ему из казны. Только 23 декабря 1723 г. было приказано удовлетворить требования всех просителей.

В начале 1721 г. Виллим Ковенговен получил задание (именно так, без контракта и без торгов) построить «крупяную и масленую» мельницы⁴⁸. Голландский инженер-купец справился с этой работой менее чем за один год. Эти мельницы были также переданы в Адмиралтейств-коллегию. Корнелиус Крюйс, как мы уже видели, подавал жалобы на Виллима Ковенговена, опять обвиняя его в недоделках. Однако также, как и в случае с «бумажной» мельницей, никаких штрафных санкций на голландского мастера наложено не было.

В начале 1721 г. директор Канцелярии городовых дел У. А. Сенявин приказал Виллиму Ковенговену построить две новые «пилных ветряных мельниц». Для их возведения было выбрано место на «взморье, против Калинкиной, деревни, недалеко от «крупяной и масленой» мельниц (см. приложение, п. 6)⁴⁹. Из документов, которые удалось найти об этом строительстве, следует, что термин «мельница/мельницы» (в данном случае «пильная») соответствует современному понятию завод. Кроме собственно мельницы рядом с ней возводились склады сырья, готовой продукции, жилье для работников

и инженеров, вспомогательные помещения⁵⁰. Никаких торгов на это строительство также не проводилось. Получить такую работу не состоявший в штате Канцелярии городских дел Виллим Ковенговен мог только по прямому указу Петра I. Отсюда можно сделать вывод о том, что голландский мельничный мастер не утратил доверия царя. Следовательно, его конфликт с Корнелиусом Крюйсом был вызван не низким уровнем профессионализма, а независящими от него обстоятельствами (прежде всего – нехваткой финансов и другими объективными причинами).

Из документов, приведенных в приложении, п. 6, следует, что голландский мастер планировал закончить строительство «пильных ветряных» мельниц до конца 1721 г. Эти планы нарушило сильное наводнение, которое произошло в начале осени 1721 г. Оно частично разрушило почти готовые мельницы. Можно предположить, что Петр I был очень недоволен тем, что Виллим Ковенговен не предпринял или из-за недостатка финансирования не успел предпринять необходимых мер к защите строительства «от прибылой воды». По этой причине голландцу плотничному мастеру Харману ван Болесу было приказано отремонтировать поврежденные, достроить обе мельницы и возвести вокруг них защитную дамбу из фашии⁵¹. В этом документе «плотничного дела мастера» Харман ван Болес ошибочно именуется «мельничного дела мастером». О размерах защитной дамбы можно судить по количеству свай (350) и фашии (89 075), которые потребовались для ее строительства⁵². Работы продолжались до конца 1722 г. С самого начала строительства их выполняла уже известная нам бригада «олонецких» плотников под руководством Ермолая Иванова и Ивана Тевзина⁵³. Никаких претензий к работе Виллима Ковенговена по возведению этих мельниц руководство Канцелярии городских дел не предъявляло.

Вернемся к Виллиму Ковенговену. В 1723 г. ему было приказано построить «мучную ветряную мельницу». Как и ранее, в документах не удалось найти упоминаний о заключенном с голландским мельничным мастером контракте на эту работу и проведении торгов (тендера) на ее выполнение. По указу от 31 августа 1723 г. эту мельницу было решено установить на стене Трубецкого бастиона («больварка») Петропавловской крепости⁵⁴. Из этого документа следует, что голландский мельничный мастер построил эту мельницу где-то вне «больварка». Затем она была разобрана и перенесена на стену Петропавловской крепости, на готовый фундамент. Строительство фундамента «плитного камня» началось в сентябре того же года⁵⁵.

В начале октября 1723 г. было решено построить «ветряную водоливную помповую машину» для «выливания воды из Кронштадтского канала». Эту работу поручили Виллиму Ковенговену⁵⁶. Голландский мельничный мастер был направлен в Кронштадт только в начале 1723 г.:

«Из Адмиралтейской Коллегии в Канцелярию от строений

Минувшего ноября 24 дня, по именному Его императорского величества указу, и по сочиненному из Адмиралтейц Коллегии приказу, велено: в Канцелярию от строений послать промеморию, дабы для строения в доке, по силе одного именного указа, ветряной водоливной помповой машины, прислан был мельничного дела мастер Виллим Ковен Овен. Которому, за его труды, учинено будет награждение из Канцелярии от строений. О присылке одного мастера в Адмиралтейц Коллегию да благоволите учинить по Его императорского величества указу»⁵⁷.

После смерти Петра I Виллим Ковенговен ни разу не привлекался к строительству государственных ветряных мельниц. Не достроенные голландским мастером «пильные» мельницы заканчивал его ученик Осип Евланицкий⁵⁸. Сам же Виллим Ковенговен полностью перешел на коммерческую деятельность.

Параллельно со строительством ветряных мельниц Виллим Ковенговен занимался продажей досок и бревен, произведенных на его (собственных или арендованных им) «пильных» мельницах, не только на объекты, которые он возводил сам, но и на другие государственные стройки и, вероятно, частным лицам (документов об этом найти не удалось). В феврале 1720 г. он по требованию Д. Трезини продает бревна на строительство Петропавловского собора⁵⁹. В декабре 1722 г. голландский мельничный мастер поставляет доски для строительства «Питергофского дому Его императорского величества» на сумму «122 рубли на 16 алтын 4 денги»⁶⁰. Эти доски прислал из Нарвы приказчик Виллима Ковенговена «Юнас Килберх». Следовательно, Виллим Антонов арендовал «пильные» ветряные мельницы не только в Санкт-Петербурге.

С 1721 г. знаменитый подрядчик Василий Озеров строил канал у Второго Зимнего дворца («Лебязью канавку»)⁶¹. Виллим Ковенговен поставлял доски и бревна и для этого строительства. Между голландским инженером и русским подрядчиком возник какой-то спор по поводу этих поставок (к сожалению, описание деталей этого конфликта найти в архивных документах не удалось). По требованию Василия Озерова Виллим Ковенговен был «задержан» в Надворном суде. Он обратился за помощью и покровительством к генерал-прокурору А. А. Ягужинскому (см. приложение, п. 7)⁶². В этом же документе голландец пишет о штрафе, который был наложен на него за задержку в подаче финансового отчета «приходных и расходных книг» по строительству «бумажной» ветряной мельницы. Ни о каких торгах на все эти поставки в документах не упомянуто.

Голландский мельничный мастер-бизнесмен многократно участвовал в торгах на поставки досок на государственные стройки. Однако он нечасто их выигрывал. Например, в начале 1723 г. были объявлены торги на поставку «к святой церкви Петра и Павла, на столярную работу и на покрывание кровли и на купол под своды и на мощение полов в колокольне, пильных досок 12 000 длины... Да на покрывание в Санкт Питер Бурхской фортификации фасовф и флонков, которые не покрыты – досок же топорных 30 000»⁶³. Его конкурентами выступили голландский купец Ламберт Рутхерс (Lambert Rutgerz) и английский купец Виллим Элмзель (William Elmsal). В финал торгов вышли голландский мельничный мастер и английский купец. После долгих и напряженных торгов подряд выиграл Виллим Элмзел, так как он «уступил цены с каждых 100 теснин по рублю с гривною (окончательная цена 7 р. 30 алтын за 100)». Из этих же документов следует, что на торгах присутствовали не сами иностранные купцы, а их доверенные лица: со стороны Виллима Элмзеля – приказчик Яков Константинов (Jacob Danberg), а со стороны Ковенговена – его писарь Иван Рудаков. Оценивал качество всех досок уже знакомый нам Харман ван Болес.

В конце 1726 г. Виллим Ковенговен конкурировал с английским купцом Гилем Эвенсом: оба предложили Канцелярии от строений закупить у них большую партию досок различных размеров⁶⁴. Сведений о том, кто выиграл эти торги, в документе не приведено, но в конце его упомянуты русские конкуренты иностранных купцов: «компанейщик Русинов с товарищи». Таким образом, на рынке досок и теса в России существовала жесткая конкуренция, и Виллим Ковенговен вряд ли мог иметь большие

прибыли от производства и продажи этих строительных материалов на российском рынке без протекции администрации.

Из документа, который был написан 1 июня 1722 г., следует, что голландский инженер-предприниматель продавал произведенные на его «пильных» мельницах доски за границу. «В нынешнем 722 году июня в 1, шед из Нарвы эверс в Санкт Питербурх пилого мастера Виллима Антонова. И стал, за противною погодою, у гавани на якорь. И по приказу директора от строений домов Его императорского величества Ульяна Акимовича Синявина принято с помянутого эверса в Питергоф к делам Его императорского величества пильных соновых досок 1178 досок. В том числе 60 длиною 4 сажень, 134 – длиною 3 сажени, 700 – длиною 2 сажени, толщиною все равно в полтора дюйма. И оные доски принятые не такие, каковые помянутой мастер Виллим Антонов за море ставил, понеже тех досок з заболонками много число»⁶⁵. Отсюда можно предположить, что именно эти продажи приносили основной доход Виллиму Ковенговену. Более того, вероятно, из-за дружбы голландского мельничного мастера с Петром I они не облагались налогом или этот налог был незначительным.

Кроме аренды «пильных» ветряных мельниц Виллим Ковенговен построил на свои деньги две мельницы у «Канцов» (около бывшей шведской крепости Ниеншпанц). При них находился склад готовой продукции, куда привозили доски и из Нарвы⁶⁶. Там же был построен загородный дом голландского мельничного мастера (см. ниже). Эти мельницы стали привычным ориентиром для Северной столицы. Так, в 1723 г. служащие Канцелярии от строений принимали от крестьянина Ивана Яковлева лес в плотях «против пильных мельниц иноземца Виллима Ковеновена на Неве реке»⁶⁷.

Последнее упоминание в документах о коммерческой деятельности Виллима Ковенговена, которое удалось найти, относится к сентябрю 1728 г. В это время он участвовал в торгах за право арендовать «пильную» мельницу в Назье, «что была Меншикова». Голландский мельничный мастер проиграл эти торги «санкт питер бурхскому жителю Сидору Томлину»⁶⁸.

13 марта 1729 г. вдова Виллима Ковенговена «Андреяна Андреева дочь» (Адриана ван Аммерс (Adriana van Ammers) – сестра Дирка ван Аммерса-старшего (инспектора Тимофея Фонармуса)) потребовала у руководства Канцелярии от строений выдать ее зятю «Фанденбурдену» недоплаченные деньги за поставленные ее умершим мужем в 1717 и 1718 гг. пиломатериалы на строительство «Летняго дому Ея императорского величества» (см. приложение, п. 8)⁶⁹. Это прошение было удовлетворено. Отсюда можно сделать вывод о том, что Виллим Ковенговен умер в Северной столице в начале 1729 г. Его вдова, возможно с семьей, жила в собственном доме, построенном у бывшей шведской крепости Ниеншпанц (см. приложение, п. 9)⁷⁰, вероятно, до своей смерти в 1754 г., когда этот дом был выкуплен казной (см. приложение, п. 9)⁷¹.

Кроме дочери Марии, о которой говорилось в начале статьи, у Виллима Ковенговена и его жены Адрианы, урожденной ван Аммерс, были двое сыновей: Питер (родился в Санкт-Петербурге, крещен 19 ноября 1719 г.) и Хенрих (родился в Санкт-Петербурге, крещен 14 июля 1723 г.)⁷² – и две дочери: Маргрета (Margreta), вышедшая замуж за Арнольда Минне (Arnold Minne) 21 февраля 1730 г. и Мария (Maria), вышедшая замуж за Абрахама ван Вунсела (Abraham van Woenssel) 23 июля 1730 г.⁷³ Очевидно, что в семье Ковенговен была еще одна дочь, вышедшая замуж за «Фанденбурдена» (см. выше). Ее имя определить не удалось.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Документ о выплате Виллиму Ковенговену денег за полтора года работы в качестве частного мельничного мастера А. Д. Меншикова

Л. 1.

«Книга расходная денежной его высококняжой светлости домово́й казны что кому будет в даче писменным и по словесным приказом его светлости и за какие потребности. Учинена по его высококняжой светлости указу генваря с 1 числа ныняшняго 1719 году ис приему подьячего Ивана Соболевского... А имянно: <...> Пилных мельниц мастеру Виллиму Антонову на прошлые 1717 – июльской половины – 120 рублей, на 1718 год по окладу полного 240 – рублей».

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 84. Д. 39. 1719. Л. 1–37. Подлинник

2. Указ мельничного дела мастеру Виллиму Ковенговену построить «бумажную» ветряную мельницу

«В Адмиралтейскую Подрядную канцелярию

Доношение

Прислан ко мне указ за подписанием вице адмирала Корнилис Крюса (так в документе. – Б. М.), в котором написано: Великий государь царь и Великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, по имянному своему Великому государя указу, с которого, при том, прилагается копия, указал: мастеру Виллиму Ковнау, против мадели, делать ветряную бумажную мельницу. И тебе, Виллиму Ковнау, по получении сего указу, выправясь подлинно в канцелярию Адмиралтейскую подрядную, господину полковнику и обер камисару Норову, за рукою своею, подать ведение – какие к тому надобны материалы и сколько чего числом, ис чего б можно оную зделать.

Против которого указу он являл.

В выше писанном указе помянулось, что прислана мадел бумажной мелнице, а мадели той мелнице не явилось. А ныне надобно на зачатие той мелницы вскоре сосновых лесов...».

Далее следует перечень материалов и требование мастеровых и работных людей. Документ за подписью Ковенговена от 16 августа 1718 г.

РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 127. 1717–1722. Л. 172–173. Подлинник

3. Дело о передаче практически построенной «бумажной» мельницы в ведение Санкт-Петербургского Адмиралтейства под управление вице-адмирала Корнелиуса Крюйса

«Господин Вилим Ковен Овен

Сего декабря 18 дня, в письме кабинет секретаря господина Макарова в Канцелярию Городовых дел, написано: Его царское величество указал новую бумажную мелницу, со всем, отдать к Адмиралтейству и, описанную мелницу, материалы и прочее все, что есть. Також мастеровых, учеников и работных людей, которые прежде были на той мелнице, отдать в диспозицию Адмиралтейскую. И о том обстоятельную ведомость

сообщить господину вице адмиралу Крейцу. А о русских учениках и о материалах известие взять у тебя и у капрала Колкина. И, по получении сего, справь, отослать... А ту мелницу определить от господина вице адмирала экипажскому советнику господину Шереметьеву или капитану порутчику Лоренц Берху, кто из них будет... 21 декабря 1720 году».

РГЛА. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 19а. Д. 1722. Л. 69–70. Подлинник

«К кабинет секретарю Макарову

Царского Величества указ о принятии в мою деспозицию бумажной мелницы от 22 числа я принял.

По которому, я на мельнице экзаменовал мастера Ковнова и протчие все тамошние дела. Мелница такова хороша, как една во всей Галандии, и ежели будет добрая дирекция, то можно не малую прибыль Его царскому величеству учинить.

Вупервых, надобно к тому делу иметь денежную казну – где брать и оную откуды требовать. Чтоб, как скоро возможно, всякой припас купить как здесь, так и в Галандии. Понеже она мелница, надеюсь, может переделать тряпиц от 15 000 и до 18 000 пуд в год. А в Галандии признаваю, что можно закупить для лутчей бумаги трепиц по 30, по 33 или по 35 копеек пуд. А под почтовую бумагу тряпица оболше (больше. – *Б. М.*) 42 копейки не станут. Все оное галанскими денгами. Нехуда нам пробу сделать, чтоб закупить в Галандии от 5000 до 6000 пуд. Так же здесь и в Москве, в разных российских местах сколко возможность допустит. Здесь нам галанской цене нелзи укупить, но гораздо свыше. Разве тогда, как люди к сему признаются и впред, когда люди в обычай придут, то чаю можно и ниже галанского купить. О чем корреспонденцию держать буду, где за лутчее в государстве Российском присмотрю к прибыли Его царского величества.

Мастер Ковнов объявил мне, что он дал роспись в Кабинет как о мастерах и о рабочих людех, что надобно на трех мелницах содержать, а имянно на бумажной, на масляной и которая галанская крупу делает.

Мое мнение – чтоб послать в Галандию мастера Ковнова для приему таких мастеров. Понеже он их может знать, ибо уроженец Саардама. И таких принять, чтоб не стары и не молоды и дело свое в досконал знали, и которые ныне обретаютца у таких работ, и лутчих можно выбрать, которые в Саардаме живут. Понеже, когда Его царского величества агенты высылают сюда людей, оных зрак (вид, внешность. – *Б. М.*) благообразной, однако ж многие в том бывают старые и пьяные.

Ежели Его царское величество с выше писанном изволит, то можно Ковнову тамо тряпицы и клею, для пробы, сюды, и людей в мае месяце, заблаговременно, к прямой работе, доставить. Ибо нынешней год мало мельница станет работать, понеже настало зимнее время. А впред будущее лето, ежели позволите о вышеписанном, – будет. И всякие материалы в свое время заранее запаста, то немалая прибыль Его царскому величеству придет.

О чем прошу, дабы Его царскому величеству доложить и скорую мне резолюцию о том учинить. В прочем я на всякое дело к службе Его царского величества, от всего моего доброжелательного сердца, к прибыли Его царского величества готов исполнить.

Вашего благородия слуга. К:К: Питер бурх в 27 день октября 1720».

РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 13. 1720. Л. 56 об. – 57. Подлинник

4. Жалобы вице-адмирала Корнелиуса Крюйса на мельничного дела мастера Виллима Ковновена, который недостроил «бумажную» мельницу

«К кабинет секретарю Макарову.

Понеже Ваше благородие ныне имеете отसेде отъезжать, а о возвращении Вашем мне не ведомо.

Давно намерен я был к Вашему благородию говорить о мелничном мастере Виллиме Ковнове, которому много еще, за взятые денги, на бумажной мелнице есть достройки. О чем я, по получении Ваших писем, о той мелнице, многократно ему говорил. Которой на словах всегда хочет работать. А когда он бывает у мелницы, тогда ничего не делает, кроме что, приходя, шумно людей бранит и с криком домой праздно отходит.

Я надеюсь, что еще 12 добрым плотникам может быть работы на 2 месяца. Ибо, без доделки, не можно бумаги в ней ничего делать. А мастера бумажные уже в пути и, когда сюда прибудут, за неотделкою станут, гуляя, жалованье брать. В том будет противно интересу царского величества.

Того ради прошу, дабы нас, прежде своего отъезду, уведомить, что мне с ним чинить. Или мне надо, деланное ис положенных к бумажной мелнице денег, достроить. И, что издержано будет, то на нем Ковнове доправить, чтоб работы затем не стояли. Или инако, каким образом, с ним поступать, дабы я о том Вашим советом не был оставлен.

Так же изволте приказать Ульяну Синявину, бумажного дела мастеру Питеру Дирику Бонту выдать жалованье. И, по выдаче, чтоб он ево прислалко мне, ибо без того не могу с ним вновь кантракт сучинить. Я желаю, чтоб было веды со всею полною очисткою.

Вашего благородия слуга. К:К: Питер бурх в 8 день марта 1721».

РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 14. 1721. Л. 55. Подлинник

«Царского величества указ мелничному мастеру Виллиму Ковнову.

Новая адмиралтейская бумажная мельница, которую ты строил на Адмиралтейском острове, близ двора Муханова, требует многой достройке, недоделанной от тебя за взятые денги. Також, у крупяной и у масляной мелниц, по томуж, немалое число недостройке являютца. Которое свое дело ты, и по нынешнее число, ни мало не исправляеш. А ежели б она бумажная мельница в готовности была, то уже могла б действие свое с прибылью показать. Чего ради, сим указом повелеваетца, чтоб тебе, вышеписанную бумажную мельницу, неотменно совсем отделать во всей надлежащей готовности в нынешнем марте месяце сего 721 году. Ежели же означена мельница всею готовностью, к означенному времени, от тебя не будет отделана, и за тем учинитца Его царского величества работе остановка, и люди принуждены будут гулять. И, за то, учинен будет тебе жестокой штраф, по Его царского величества указу. А за простойные дни тое мелницы и за праздное гуляние людей вычтено будет из жалованья твоего. Так же, что надлежит, у крупяной и масляной мелниц отстроить, – то доделывать тебе. А что у тебя ис Кабинету и от обер камисара Синявина, на строение означенных мелниц, принято денег, ис того, что в росходе издержано и какими потребами имянно, и сколько на лицо

осталось, о том, о всем подать тебе ко мне немедленно, за рукою своею, щет по каждой мельнице порознь.

В Санкт Питер бурхе марта 15 дня 1721. К:К:».

РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 14. 1721. Л. 70 – 70 об. Подлинник

«К обер камисару Уляну Синявину

На письмо Ваше, писанное к нам прошедшаго марта от 30 дня, в котором изволите писать, чтоб капитан поруччик Берх в приеме адмиралтейском бумажной новой мельнице росписался. И, на оное, отвечаю: в припасех, что приняты в бумажной мельнице, в том росписатца Берх повинен. А о приеме мельницы росписыватца не станет, для того, что оная мельница во многой недоделке. Которая надлежит мастеру Ковнову во всем достроить. А которое у него и сделано, и то не так крепко строено, как в обычей галанскому доброму мастеру. Но толко якобы фигура живописная зделана и уже иные припасы на оной, хотя работы тяжкой не было, переломилась. И, ежели пожелаете, для осмотра прислать камисара своего, то он может увидеть. Как сами изволите быть, которых я вам могу показать. И, для того, изволте приказать, означенную мельницу, мастеру совсем сполна достроить. И, чтоб были во оной складены добрые материалы, а не такие, какковы ныне у него наложены. Или я оного держать, покамест доидеже все он исправит и отделает по полному Его царского величества указу, как надлежит доброму и верному человек.

Слуга ваш К:К: В Пите бурхе в 4 день апреля 1721».

РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 14. 1721. Л. 96 – 96 об. Подлинник

«К обер секретарю Макарову

Бумажня мельница всякой день хуже. Понеже, когда мельница станет ходить, то железо или дерево ломаетца, якобы стекло крушитца. Я Ковнова содержу на мельнице, покамест дондеже все будет готово. И лутче он может то сам видеть, и свидетельствовать.

У крупяной мельницы, по отбытии Вашего благородия отселяя, более не работают 5 человек плотников и по се время. И крупяной мастер сказывает, что оная мельница в год такую работаю не будет готова.

Я не очень рад Ваше благородие сим трудить, однако ж, что пишу, то есть правда.

Вашего благородия слуга К:К: Питер бурх в 1 день мая 1721 году».

РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 15. 1721. Л. 1. Подлинник

«К обер камисару Уляну Синявину

Царское Величество указал мне смотреть на бумажной, крупяной и масляной мельницах. А мастер Ковнов крупеную мельницу оставил праздно и ничего не смотрит, и не исправляет, и давно у той работы не был. А когда и был, и тогда толко было у него 5 человек на работе. И колесы, которые зделаны, без призрения, от ветра могут испортитца. Чего ради, извольте на сей писанной запрос к полудни уведомить – станет ли он, мастер, работать или нет? Чтоб я мог Его царскому величеству писать и Ваше письмо послать

Слуга ваш К:К: Санкт Пите бурх мая в 17 день 1721».

РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 15. 1721. Л. 20. Подлинник

5. *Требование вице-адмирала Корнелиуса Крюйса провести независимую экспертизу состояния «бумажной» мельницы голландским архитектором Стивеном ван Звигеном*

«В Адмиралтейств Коллегию

Ведение

Понеже объявляли мне крупяной, масляной и бумажной ветряной мельниц мастера, о вышеписанных мельницах, что оные мельницы, також с наружи, и внутри некоторые припасы, строения мельничного мастера Виллима Ковнова, зело плохи, и некоторые зделаны не по препорции архитектурской, что и я могу засвидетельствовать. Ибо, прошлого 721 году, не мало бумажной мельнице в работе одержана (так в документе. – Б. М.) для того, что иные припасы в той мельнице переотломались (заметка на полях: несостоятельно сие).

Того ради, надлежит в Канцелярию Городовых дел послать Его царского величества указ, дабы, для свидетельства вышеписанных мельниц, прислан был из оной Канцелярии архитектур Стефан Фанзвитен. Которому оные мельницы и все в них припасы осмотрить с подлинною инспекциею, и обирвазео. Что все ль оные мельницы и принадлежащие в них внутри и снаружи припасы зделаны по архитектуре как надлежит доброму, и искусному человеку. И такой репорт оному архитектуру Фансвитену, как скоро возможно, освидетельствовав, подать, за рукою своею, в Адмиралтейств Коллегию, описав в нем имянно, что по архитектуре, и что не по архитектуре зделано, и что надлежит переделать, и о всем состоянии оных мельниц к лутчей Его царского величества прибытку (так в документе. – Б. М.).

При Санкт Питер бурхе в 6 день февраля 1722 году К:К:».

РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 17. 1722. Л. 31 – 31 об. Подлинник

6. *Документы о начале строительства двух «пилных ветряных» мельниц голландским мельничного дела мастером Виллимом Ковенговым*

«Господин мастер Вилим Антонов

Ветряную пилную мельницу, под которую Вам делать фундамент, на том мысу, где я с тобой осматривал, другой фундамент вели делать между оной мельницы и между масляной и крупяной мельниц. А лес держать, которой есть при пилных мельницах твоей покупки. А коликое число надобно других материалов, подай ведомость, за рукою, немедленно.

Таково письмо, за подписанием обер камисарского рукою (У. А. Сенявин. – Б. М.), подано генваря 14 дня 1721 году».

РГГА. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 18б. 1721. Л. 754. Подлинник

«А 721 году, февраля в день в Канцелярию Городовых дел ведение.

Сего февраля в 15 день, в присланном Великого Государя указе ко мне написано: по поданной от меня ведомости, к строению двум пилным мельницам материалы, какие мне в зимнее время надобны нужные (так в документе. – Б. М.), а имянно: надобно, по поданной ведомости, бревна на свайное битье и на рубку фундаментов, також де в 3 дюйма пилные доски на полы, чтоб всеконечно были мне все зимним путем заготовлены.

Брусья сосновые на нижние и на верхние анбары, против подобные ведомости, чтоб всеконечно изготовлены были нынешним зимним временем. А другие брусья и доски надобно изготовить по первой воде. Два дубовые лежачие вала – на Охте в дубовых кряжах таких нет. А прочие все дубовые леса, против меры, можно изготовить на Охте. И буде выше писанные припасы к строению тех мельниц в поставке останковки не будет, то железные припасы, вал, по поданной ведомости, надобны будут летом.

Willem Coawenhooven».

РГГА. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 18б. 1721. Л. 75б. Подлинник

7. Документ о конфликте между Виллимом Ковенговым и Василием Озеровым, связанным с поставками бревен и досок

«Мой милостивой государь и патрон Александр Алексеевич Ягуженской

Прошу Вас, моего милостивого государя и патрона, и при том доношу Вашему превосходительству. Скаска у меня дана за рукою в канцелярии ведомства Вашего сего 5 числа марта. А сего числа, по челобитью Василья Озерова, задержан я в Санкт-Петербургском Надворном суде и ни чаюсь до вас приехать против данной моей скаски от-
ветствие дать сего числа хотя, после полудни или ранее, как выедет из Надворного суда судей вон Протопопов. И, ежели возможно, то завтра по утру рано до Вашего ведомства в Канцелярию буду.

Того для Вас, моего государя и патрона, покорно прошу, чтоб оная скаска по подписанию моему не причлась бы мне в другое, понеже именно за утру до Вашего ведомства буду.

Вашего превосходительства всегдашней слуга мельничной мастер Вилим Ковен Овен Санкт-пите бурх 1722 году марта в 5 день Wilim: G: Hooven».

«1722 году июня 9 дня в Канцелярии городских дел пилных ветряных мельниц мастер Вилим Ковен Овен сказал: о строении бумажной ветреной мельницы приходные и расходные книги подаст он в канцелярию городских дел сего июня 17 дня 1722 году. А буде оных книг, на тот срок не подаст, и за то б взять на нем штраф, что Его императорское величество укажет.

Wilim Coawenghooven».

РГГА. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 19а. 1722. Л. 207–208. Подлинник

8. Прошение вдовы Виллима Ковенгова о выдаче ее зятю денег, недоплаченных за поставки пиломатериалов на государственные стройки

«По указу Ея императорского величества, Канцелярия от строеней, слушав выписки против доношения и прошения мельничного дела мастера Вилима Ковенгова, которые прошения поданы в прошлых 719, 722, 724 годах. И онога мастера жены Андрианы Андреевой 729 году марта 13 числа под № 640, и писем тайного действительного советника и ковалера господина князя Черкасского. По которым письмам, с Охты, к строению ведомства реченной Канцелярии, отпущено от онога Ковен Овена бревна, бруски и доски. А денег за оное заплаты не было. А сего октября 27 дня реченна вдова Андреяна Андреева дочь, поданным прошением под № 2429, требует, чтоб те денги выдать зятю

ее Фанбурдену. ПРИКАЗАЛИ: за взятые бруски и доски у означенного мастера Вилима Ковен Овена в прошлом 717 и 718 годах, а имянно в 717 в Летней дом Ея императорского величества, за 40 бревен, длиною 3 сажени, толщиною в отрубе по 12 вершков, по 1 рублю 20 копеек за бревно – 48 рублей; к городовому строению за 30 бревен... 36 рублей... – сего 147 рублей 50 копеек, выдать означенного мастера Ковен Овена, по доношению жеы ево вдовы Андреяны Андреевой дочери, зятю их Фанбурдену. От росходу сего 730 году. Записав в росход с роспискою. И о том к росходу ассигновать.

Октября 28 дня 1730 году».

РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 88. Октябрь 1730. Л. 145 – 145 об. Подлинник

9. Документы о доме семейства Ковенговен, который был построен у бывшей шведской крепости Ниеншанц («Канцы/Шанцы»)

«(27 сентября. – Б. М.) Седмое. В Канецком огороде землю, где овощи сеются будут будущею зимою и впред навозом довольствоваться поблизости от конюшен Конной гвардии. А не распаханые места под содержание овощей впред же по – возможности раскапывать. А на огородку стороны от двора вдовы иноземца Ковеновенши, сколько надобно колья или протчего, о том мастеру Ригеру, учиня смету, и представить Канцелярии отт строеней немедленно».

РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 254. 1746. Л. 408–410. Подлинник

«По указу Ея императорского величества, Канцелярия от строеней по репорту Канецкого огорода садовника Гринвалта сего февраля 22. ПРИКАЗАЛИ: для загорождения двора, купленного бывшего мелничного мастера Коунова жены ево вдовы забора з двух сторон длиною на 42 сажеенях, кольев длиною 4 аршина, толщиною в диаметре в 4 дюйма 500 нарядить выслать Дубковских и Ижерских деревень крестьянами пополам. 24 февраля».

РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 372. 1754. Л. 255. Подлинник

¹ Записки Я. К. Номена о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и 1716/17 гг. / пер. В. Кората. Киев, 1904. С. 23.

² De Hollandse Hervormde Kerk in Sint-Petersburg 1713–1927. Dell 3 / bezorgen door P. N. Holtrop, Th. J. S. Staalduine van. Kampen, 2003. (Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге. Тексты из протоколов заседаний церковного совета, писем и других документов 1713–1927 гг. Ч. 3 / ред. Холтроп П. Н., Стаалдаун Тео ван. Кампен, 2003. С. 274.); Макаров Б. Голландцы в России в первой четверти XVIII века. Лексикон. СПб., 2009. С. 120.

³ Железнов В. Указатель мастеров, русских и иноземцев, работавших в России до XVIII века. СПб., 1907.

⁴ Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы, XV – середина XVIII века. М., 2008.

⁵ МИРФ. Ч. 3. СПб., 1866. С. 244.

⁶ Там же. С. 253.

⁷ РГИА. Ф. 466. Оп. 1 (36/1622). Д. 476. 1716. Л. 21 – 21 об.; Макаров Б. Голландцы в России в первой четверти XVIII века. С. 281–283.

⁸ Базарова Т. А. Пильные ветряные мельницы на Стрелке Васильевского острова // История Петербурга. 2004. № 6 (22) С. 61–62; Она же. Создание «Парадиза». Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого. Очерки. СПб., 2014. С. 210–211.

⁹ Малиновский К. В. Санкт-Петербург XVIII века. СПб., 2008. С. 50.

¹⁰ Там же. С. 34–35.

- ¹¹ Мишин С., Веснин С. Дворец Корнелиуса Крюйса // Корнелиус Крюйс. Адмирал Петра Великого / ред. Т. Титлестада, М. Ставангер. СПб., 1998. С. 158–159.
- ¹² РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 41. 1709. Л. 164.
- ¹³ Там же. Л. 81, 268.
- ¹⁴ Там же. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 7а. 1720. Л. 125 – 125 об.
- ¹⁵ Там же. Ф. 234. Оп. 1. Д. 24. 1710. Л. 20.
- ¹⁶ Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 57. 1710. Л. 244 – 244 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 214 об.
- ¹⁸ Малиновский К. В. Санкт-Петербург XVIII века. С. 94.
- ¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 127. 1717–1722. Л. 11, 53.
- ²⁰ Там же. Ф. 234. Оп. 1. Д. 27. 1716. Л. 15 – 15 об.
- ²¹ Летопись Ораниенбаума, 1710–1918. СПб., 2015. С. 31.
- ²² Там же. С. 43.
- ²³ Там же. С. 348.
- ²⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 84. Д. 39. 1719. Л. 1–37.
- ²⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 102. 1718. Л. 11, 26, 28.
- ²⁶ Макаров Б. Голландцы в России в первой четверти XVIII века. С. 28, 43–45, 188.
- ²⁷ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 230. 1719. Л. 1 – 2 об.
- ²⁸ Там же. Д. 229. 1719–1720. Л. 7.
- ²⁹ РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 127. 1717–1722. Л. 169.
- ³⁰ Там же. Л. 172–173.
- ³¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 7г. 1720. Л. 1064–1067 об.
- ³² Там же. Оп. 4. Д. 229. 1719–1720. Л. 2.
- ³³ Там же. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 7г. Л. 1355 – 1357 об.; Оп. 4. Д. 23. 1720. Л. 23 – 23 об.
- ³⁴ Там же. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 19а. 1722. Л. 69–70; РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 13. 1720. Л. 56 об. – 57.
- ³⁵ РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 14. 1721. Л. 55.
- ³⁶ Там же. Л. 70 – 70 об.
- ³⁷ Там же. Л. 96 – 96 об.
- ³⁸ Там же. Д. 15. 1721. Л. 1.
- ³⁹ Там же. Д. 39. 1721. Л. 112 (106/113).
- ⁴⁰ Там же. Д. 15. 1721. Л. 20.
- ⁴¹ Там же. Д. 14. 1721. Л. 53.
- ⁴² Там же. Д. 17. 1722. Л. 31 – 31 об.
- ⁴³ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 7а. Л. 88; РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 14. 1721. Л. 9 об. – 10.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 34б. 1723. Л. 860–866.
- ⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 17. 1722. Л. 97–98.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 32б. 1722. Л. 443 – 443 об.
- ⁴⁷ Там же. Ч. 1. Кн. 32б. Л. 444 – 444 об., 452 об., 453, 470, 479 – 479 об., 480, 498 – 498 об.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 4. Д. 49. 1721. Л. 27 – 27 об.
- ⁴⁹ Там же. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 18б. 1721. Л. 754, 756.
- ⁵⁰ Там же. Кн. 14а. 1722. Л. 226 – 226 об.
- ⁵¹ Там же. Кн. 17в. 1721. Л. 148.
- ⁵² Там же. Ф. 467. Оп. 4. Д. 137. 1722. Л. 874–875.
- ⁵³ Там же. Д. 28. 1722. Л. 467; Д. 137. 1722. Л. 874–875.
- ⁵⁴ Там же. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 33б. 1723. Л. 842–844.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 4. Сентябрь 1723. 5 – 5 об.
- ⁵⁶ МИРФ. С. 590.
- ⁵⁷ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 41. 1724. Л. 473 – 474 об.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 22. Апрель 1725. Л. 71 – 72 об.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 467. Оп. 4. Д. 23. 1720. Л. 4.
- ⁶⁰ Там же. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 32б. 1723. Л. 488 – 488 об.
- ⁶¹ Там же. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 19а. 1721. Л. 83 – 83 об.
- ⁶² Там же. Кн. 19а. 1722. Л. 207–208.
- ⁶³ Там же. Оп. 4. Д. 378. 1723. Л. 5 – 43 об.
- ⁶⁴ Там же. Д. 147. 1725. Л. 407–413.
- ⁶⁵ Там же. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 32б. 1723. Л. 340.
- ⁶⁶ Там же. Оп. 4. Д. 152. 1726–1729. Л. 57 – 57 об.
- ⁶⁷ Там же. Д. 139. 1723. Ч. 2. Л. 838.
- ⁶⁸ Там же. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 64б. 1728. Л. 675.
- ⁶⁹ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 88. Октябрь 1730. Л. 145 – 145 об.
- ⁷⁰ Там же. Д. 254. 1746. Л. 408–410.
- ⁷¹ Там же. Д. 372. 1754. Л. 255.
- ⁷² Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927) : сборник / под ред. П. Н. Холтропа, Т. Й. С. ван Стаалдауне, Г. Бринкмана. СПб., 2003. Ч. 3 : Тексты из протоколов заседаний церковного совета, писем и других документов 1713–1927 гг. С. 129, 135.
- ⁷³ Там же. С. 235.